

В этом выпуске газеты гость нашей рубрики «Уроки истории» – полковник запаса Владимир Слабука. Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее «очернение». Мистификация со знаком плюс или минус все равно остается мистификацией.

Сегодня мы начинаем публикацию глав одной из книг Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, Издательство «Граница», 2015).

Первый материал посвящается малоизвестным событиям, связанным со стихийными бедствиями (цунами) на Камчатке в апреле 1922, в ноябре 1952 и в мае 1960 года.

Редакция «Вестей»

Глава 6

Страшно не было. Было жутко

Зима 1922–1923 годов в долине реки Камчатки прошла в тревожном ожидании. Причины

тому крылись не в социальных потрясениях, вызванных установлением в ноябре советской власти на полуострове. Хотя, разумеется, основное население патриархальной камчатской глубинки относилось к предстоящим преобразованиям без особой радости и упований на лучшую жизнь. Но в данном случае причина тревожного ожидания имела под собой характер природный, а потому еще более грозный и неумолимый.

«Сахарная голова» вулкана Ключевская сопка, в среднем течении реки Камчатки хорошо видимая со всех сторон, в сентябре 1922 года, вещая «казней ряд кровавый, И трус, и голод, и пожар», выплеснула в синеву осеннего неба черный шлейф дыма и пепла, окрашенного снизу стекающей лавой в багровые тона.

Потом начались землетрясения.

Первый сильный толчок на Камчатке произошел 3 декабря 1922 года.

Местные жители, привыкшие к колебаниям почвы, вначале к землетрясениям отнеслись с привычной обреченностью – что Господь даст.

Но толчки, то сильные, то малозаметные, повторяясь почти каждодневно, начали вселять ужас. При каждом сильном землетрясении колокола скромных церквушек камчатских сел тревожно дребезжали, словно стремясь предупредить о надвигающейся беде.

Ближе к концу зимы жители сел и деревенок в долине реки Камчатки начали на ночь запрягать в нарты ездовых собак, готовясь, в случае необходимости, быстро покинуть опасные места. На сани их владельцы навьючивали все самое ценное. Обыватели спали одетыми и на полу.

Предосторожности оказались нелишними. Сейсмическая активность привела к цунами. В современной научной литературе говорится о четырех гигантских волнах, обрушившихся на камчатские берега зимой и весной 1923 года.

Первое цунами произошло 3 февраля 1923 года глубокой ночью. Три гигантских водяных гребня, один за другим, обрушились на восточное побережье полуострова на довольно обширном пространстве – от Авачинской губы до Камчатского залива. Достоверных свидетельств о больших разрушениях и жертвах до нас не дошло. В ряде мест роль подушки безопасности сыграл береговой припай, имевший ширину около ста метров. Но льды, хоть и ослабили разрушительную силу волн, остановить их совсем не смогли.

Наибольшей силы цунами достигло в Кроноцком заливе. Здесь волны уносили льды берегового припая толщиной в два метра вглубь суши на расстояние до двух километров и на высоту около шести метров над уровнем океана.

Скандинавский энтомолог французского происхождения Рене Малез, оставшийся на Камчатке после того, как изучавшая полуостров шведская экспедиция, в состав которой он входил, осенью 1922 года отбыла на Аляску, столкнулся с последствиями этого цунами.

Зоолог, вдруг забросивший изучение любимых насекомых и заинтересовавшийся местными соболями, в феврале 1923 года находился на территории современного Кроноцкого заповедника. Картина, которая открылась ученому после первого цунами, ужаснула его: «Мы пошли к берегу по реке, и километрах в трех от устья встретили первые следы ужасной катастрофы. Нам преградил путь огромный барьер, образованный из массы исковерканных деревьев, которые раньше росли по долине реки, перемешанных с огромными глыбами льда, каждая величиной с дом. От большого густого леса, еще вчера покрывавшего эту площадь, остались местами только редкие одинокие пни, а стволы и ветви, обломанные, покореженные, с ободранной корой, валялись на земле, как трупы.

Дальше весь берег представлял хаос больших льдин, взгроможденных друг на друга...

Огромная волна ударила о берег, подмяла и смяла припай, занеся его обломки далеко на берег, где они, как грандиозные рубанки, выстругали все, что им на пути попало».

Цунами повредило ожидавшие на берегу очередной лососевой путины промысловые суда, унесло в море почти 25 тонн соленой и вяленой рыбы и 8 тонн соли.

В деревушке Островная, расположенной у устья одноименной реки, погибли двое ребятишек.

Второе цунами обрушилось на этот же населенный пункт 17 марта 1923 года. Сведениями о жертвах и разрушениях от этой волны автор не располагает.

Третье цунами, волны которого не превышали четырех метров, утром 13 апреля 1923 года «лизнуло» остров Беринга. Но главная природная трагедия 1923 года разыгралась в устье реки Камчатки.

Свидетель тех далеких событий учитель начальной школы Усть-Камчатска Владимир Иванович Семенов, входивший в состав районного ревкома и являвшийся редактором газеты «Долина», оставил подробные воспоминания об ударе стихии.

Он единственный, кто рассказывает не только о самом цунами, но и о событиях, которые последовали за ним: о том, как жизнь поселка возвращалась в нормальное русло.

Для Семенова, как и для его односельчан, все началось с подземных толчков.

По его словам, в марте и первой половине апреля 1923 года трясло почти ежедневно. Землетрясения иногда достигали пугающей силы, заставляя жителей в панике выбегать из домов. Ученики Семенова в такие минуты делались похожими на испуганных воробьев, готовых при первых признаках опасности сорваться с ветки. Покинув после очередного сильного толчка класс, они потом долго, несмотря на все уговоры, не решались войти в здание. Впрочем, и сам учитель старался как можно дольше оставаться под открытым небом.

Вечер пятницы 13 апреля Владимир Семенов провел в клубе. Продолжалась пасхальная неделя. Местные коммунисты и ревкомовцы пока еще сами активно праздновали Пасху, которая в том году выпала на 8 апреля.

Завершить пасху в Усть-Камчатске намеревались любительским спектаклем, на репетицию которого и пришел в клуб молодой учитель. Постановка не ладилась. Все шло к тому, что репетиция затянется далеко за полночь, но необычно сильные подземные толчки, продолжавшиеся минуты две, от которых здание клуба раскачивалось и скрипело, как старый парусник на крепкой волне, заставили свернуть любительскую театральную суету.

В одиночестве добирался Владимир Семенов по темным улицам уснувшего села к школе, в которой занимал небольшую комнатушку, отведенную учителю под жилье.

Тут же, в чуть большем помещении, квартировал с семьей и директор начальной школы П. Д. Кияниченко. Спать учитель лег не раздеваясь. Долго ворочался на узкой скрипучей кровати, не в состоянии заснуть, но и после того, как усталость взяла свое, спал тревожно, часто просыпался.

И вдруг невероятный прыжок кровати, сопровождавшийся грохотом рассыпавшихся кирпичей рухнувшей печи, заставил его вскочить. Глиняная пыль и пепел наполнили легкие, мешая не только нормально дышать, но и трезво мыслить. Подступающее удушье заставило опрометью выбежать на улицу, не позволив даже на мгновение задержаться, чтобы спасти скромный учительский скарб.

Выскочив на крыльцо, Семенов почувствовал, что оно буквально уходит у него из-под ног. Пришлось спрыгнуть на землю и ухватиться за фонарный столб. Но столб раскачивался подобно маятнику. И все же, обхватив его, Семенов кое-как ухитрился держаться на ногах.

Учитель вспомнил о директоре и его семье и с тревогой взглянул на окна квартиры Кияниченко. Там уже горел свет, и было видно, как, раскачиваясь под потолком, керосиновая лампа выхватывала из темноты судорожно метавшиеся тени. Впоследствии Семенов, сколько ни силился, не мог вспомнить момент, когда рядом с ним оказались П.

Д. Кияниченко, его жена и дети.

В соседних домах рушились печные трубы, с грохотом сползали с крыш кирпичи. Минуты через две толчки ослабли. Директор школы, чиркнув спичкой, осветил циферблат серебряного брегета, которым с момента покупки два десятилетия тому назад не уставал гордиться. Стрелки показывали 2 часа 16 минут.

Со стороны океана слышался нарастающий грохочущий и ревущий шум морского прибоя.

«Это цунами», – с напускным спокойствием произнес Кияниченко голосом университетского профессора, констатирующего программируемый результат поставленного эксперимента. Но спустя секунду в интонациях директора школы спокойствие уже исчезло. «На чердак!» – закричал он.

Семенов со слабой надеждой, что на четырехметровой высоте школьной крыши они будут недостижимы для наступающей стихии, последовал за семьей Кияниченко.

Вслушиваясь в рокочущие где-то неподалеку волны, учитель не мог отделаться от ощущения, что суша медленно опускается и спустя считанные минуты вокруг школы заплещут беспощадные волны, безжалостно сметая все на своем пути. Похожие чувства, кажется, испытывали и все остальные. Страшно не было. Было жутко.

На крыше Семенов, директор школы и его семья, с тревогой вслушиваясь в доносившиеся до них звуки, дрожа и от холода, и от ужаса, оставались до рассвета.

Первыми чердак покинули мужчины.

Увиденное заставило Семенова и Кияниченко на несколько минут онеметь.

На косе, где еще вечером возвышались прямоугольники рыбоконсервного завода братьев Демби, теперь темнели лишь кучи мусора, да контрастно выделялись на фоне серого океана два громадных айсберга.

Как потом оказалось, эти два ледяных острова, принесенных океаном откуда-то с севера, спасли Усть-Камчатск. Ударившись об айсберги, волны хлынули на Варгановку и пошли по протоке в Нерпичье озеро.

В самом селе цунами полностью уничтожило только два дома, ближе всего располагавшихся к устью реки Камчатки. Жившие в нем семьи погибли.

Еще несколько домов села оказались частично разрушены. Почти все постройки из-за мощных подземных толчков лишились печей.

Материальный ущерб жителей Усть-Камчатска составил 58,5 тысячи, а российских и японских рыбопромышленников около пяти миллионов золотых рублей. Очень значительные по тем временам суммы.

Цунами и сдвинутые им айсберги в прямом смысле слова стерли завод братьев Демби с лица земли. Волны и лед разрушили не только постройки предприятия, но и сорвали с фундаментов промышленное оборудование, согнув под прямым углом толстенные стальные болты, которыми узлы и агрегаты крепились к бетону. Обломки завода, хранившиеся на его складах продукты и промышленные товары цунами протащило по льду Нерпичьего озера около трех километров.

По счастливой случайности уцелела находившаяся на косе радиостанция, построенная японцами в 1920 году, но аппаратура узла связи оказалась безнадежно испорченной. На крыше радиостанции спаслись несколько человек. Тем, кто находился на заводе Демби, повезло гораздо меньше.

К счастью, промысловый сезон еще не начался, и на предприятии людей почти не было. В роковую ночь там находились восемь японцев, пять китайцев, несколько русских. Среди них – бухгалтер фирмы Георгия Демби Карл Петрович Озолин.

Он погиб не сразу. Впоследствии японец, которому удалось уцелеть, рассказывал, что после того, как ударила первая волна, они с бухгалтером, оказавшись в воде, ухватились за бревно, вымытое из какой-то постройки, и когда им показалось, что самое страшное уже миновало, нахлынула очередная волна. Бревно выскользнуло из рук несчастных. Когда японец вынырнул, бухгалтера рядом не было. Тело его так и не нашли.

В Усть-Камчатске погибли 23 человека, еще 13 – на других участках побережья Камчатского залива, по которым ударило цунами.

В частности, на пути волны оказался завод фирмы «Ничиро», расположенный в 16 километрах к югу от устья реки. Из небольшого числа сторожей и механиков, находившихся на предприятии, уцелеть удалось двум японцам.

После долгих скитаний по тундре они вышли в село Березовый Яр, расположенное на высоком берегу реки Камчатки. Здесь японцы рассказали, что их спас глубокий снег, который не позволил цунами распространяться по берегу с обычной для нее бешеной скоростью. Сами же японцы со всей прытью, на которую только оказались способны, без оглядки бежали по твердому насту, образовавшемуся на снегу после нескольких весенних оттепелей. Завод «Ничиро», к радости его владельцев, критических разрушений избежал.

Более серьезный ущерб понес другой японский завод, принадлежавший фирме «Тайхоку Гио-Гио Кабусике Кайша». Однако оба пострадавшие концессионные предприятия в лососевую путину 1923 года уже работали.

Об этом, в частности, свидетельствуют записки старшего инспектора рыболовства Дальрыбы И. И. Семенова, дважды побывавшего летом 1923 года в Усть-Камчатске на посыльном судне Морских сил Дальнего Востока «Красный вымпел».

На корабле также находился уполномоченный Приморского губернского отдела ГПУ М. И. Логачев. Во время этих посещений Усть-Камчатска были сделаны снимки разрушенного завода Демби.

О том, сколь высока была волна на отдельных участках побережья Камчатского залива, позволяет судить заброшенный цунами на скалы мыса Шуберта катер, обломки которого сейчас, спустя 90 лет после природной трагедии, еще можно там отыскать.

Лед на самой реке Камчатке оказался взломан вверх по течению на протяжении шести километров. На этом участке почти до самого вечера река текла вспять. Океан не хотел успокаиваться. Мощные валы постоянно били о берег и гнали океанскую воду вверх по течению реки, поднимая невероятные волны – высотой до двух метров. Продолжались и подземные толчки.

Напуганные жители Усть-Камчатска, которых тогда насчитывалось около 400 человек, вскоре после рассвета собрались в центре села возле школы, стоявшей на возвышенности. Здесь на стихийном собрании, перечислив все напасти, которые свалились на них, оплакав погибших соседей и поскорбев об унесенном океаном домашнем скоте, большинство обывателей решило на время перебраться подальше от океанского берега. Около полудня караваны собачьих упряжек с навьюченным на них домашним скарбом, а также подгоняемые хозяевами коровы, овцы и свиньи потянулись в верхние села – Черный Яр, Березовый Яр, Нижнекамчатск...

По словам В. И. Семенова, он, П. Д. Кияниченко и весь состав местного ревкома во главе с А. И. Марковым оставались в селе до вечера, но ночевать в разрушенном холодном Усть-Камчатске не решились и перебрались в Черный Яр.

Это село возникло пятью годами ранее в 14 километрах выше Усть-Камчатска на крутом речном берегу, украшенном темными пятнами пластов торфа. От них пошло и мрачноватое название населенного пункта – Черный Яр.

Расселили беженцев в разных избах. Наутро А. И. Марков разослал посыльных, собирая ревкомовцев в дом, где он остановился. На кратком собрании решили возвращаться в Усть-Камчатск и приступить к восстановлению села.

Еще накануне послали нарочных в Петропавловск, чтобы известить власти об ударе стихии. Точную дату, когда в губревкоме узнали о цунами, назвать затруднительно.

Но достоверно известно, что его представитель Андрей Савельевич Лукашевский в этот период в Усть-Камчатск выезжал.

Районный ревком 15 апреля создал несколько комиссий по устранению последствий цунами. В. И. Семенов возглавил группу, которая занималась обеспечением пострадавшего населения продовольствием и выяснением степени разрушения домов обывателей.

Владимир Иванович отмечал, что печи повсеместно превратились в развалины, но кое-где уцелели чугунные плиты, таившие в себе пасхальные разносолы – куличи, жареную дичь и другую снедь. Ими и кормили в первое время жителей, не пожелавших покинуть родные места. В дальнейшем серьезное подспорье жителям Усть-Камчатска оказало вынесенное на лед Нерпичьего озера продовольствие, которое хранилось на складах Демби. Его собрали, оприходовали и привезли в дом Т. Попова, где организовали «общедеревенскую» кухню. Мобилизованные из верхних сел печники сложили здесь большую плиту. На ней в течение месяца готовили бесплатное питание для нуждавшихся.

Для вывоза имущества, выброшенного на лед Нерпичьего озера, ревком мобилизовал собачьи упряжки, которые на протяжении почти трех недель свозили весь обнаруженный скарб в специальное хранилище. Непродовольственные товары, принадлежавшие Демби, ревком затем передал представителю фирмы, который не стал требовать отчет и оплату за использованные продукты.

Относительно мародерства, которое, к сожалению, часто сопровождает стихийные бедствия такого размаха, существуют противоречивые сведения. Одни очевидцы утверждают, что в разбитом магазине Усть-Камчатска «никто ничего не тронул». Другие же вспоминают, что после того, как большая часть жителей покинула село и течение Камчатки обрело прежнее направление, «предприимчивые мужики начали тралить дно реки, кто вытащил швейную машинку, кто кусок сукна» и далее в том же духе. Полагаю, главной причиной того, что мародерство в Усть-Камчатске, если и имело место, то в

небольших масштабах, стала немногочисленность населения, хорошо знакомого друг с другом.

Мобилизованные рабочие за месяц сумели восстановить печи во всех уцелевших домах и подлатать избы, нуждавшиеся в ремонте. Население постепенно возвращалось в Усть-Камчатск. Лишь две семьи решили покинуть село навсегда. Продав дома и имущество, они уехали в центральные регионы страны.

Постепенно весь Усть-Камчатск перекочевал на новые, более безопасные в отношении ударов цунами места. Возникло село Крутогорово, часть населения перебралась на другой берег реки Камчатки.

«Старая деревня» постепенно пустела. А землетрясения и сопровождавшие их цунами, правда, гораздо меньшего масштаба, обрушивались на Усть-Камчатск за прошедшие девять десятков лет неоднократно.

Ныне «Старая деревня» с полуразрушенными домами на кривых улицах являет собой жутковатое зрелище. Лишь в дачный сезон пейзаж оживляют огородники, которые пытаются здесь под блеклым северным солнцем выращивать овощи.

На месте разрушенного завода Демби Дальревком в ноябре 1924 года принял решение строить государственное рыбоконсервное предприятие. Возводили его русские и японские рабочие. Строительство завода шло сложно, с множеством проволочек и неожиданных остановок.

Возведение предприятия курировали камчатские чекисты. Сохранились донесения, в которых сотрудники ОГПУ докладывали о странных пожарах.

Один из них по странному стечению обстоятельств случился почти ровно через четыре года после цунами – 15 апреля 1927 года.

Загорелся барак японских рабочих. В огне погибли 28 человек, еще 18 получили различной степени ожоги. В документах говорится: «происшедшим японцы вначале были крайне подавлены и выражали намерение выехать в Японию».

По непроверенным данным, подданные микадо угрожали завод сжечь, но постепенно негативные настроения улеглись.

13 июля 1927 года барак японских рабочих загорелся во второй раз. К счастью, огонь удалось вовремя заметить и потушить. По словам сторожа Беломытцева, к поджогу мог быть причастен японский синдо Савада, из палатки которого за несколько минут до того как вспыхнуло пламя, выскользнули два человека. Накануне синдо получил от советских властей расчет, поэтому он мог попытаться поджогом отомстить за нанесенные ему обиды.

Следствие вел комендант Усть-Камчатского погранучастка Константин Константинович Дусеев. Чекист также пришел к выводу, что если Савада сам и не являлся поджигателем, то к пожару он, так или иначе, причастен. Однако привлечь к ответственности синдо не удалось. Он поспешил убраться на родину.

Случилась на заводе Демби и неувязка с установкой оборудования, закупленного в США. Часть его при разгрузке утопили на подходе к барам реки Камчатки. Пришлось оборудование закупать заново. И все-таки летом 1927 года завод, вопреки всем неувязкам, дал первую продукцию, впрочем, не в тех объемах и не того качества, как планировалось...

Такими плачевными оказались экономические последствия усть-камчатского цунами.

В 1971 году Государственный гидрологический научно-исследовательский институт, находившийся в Ленинграде, смоделировал стихийное бедствие, обрушившееся на Усть-Камчатск в апреле 1923 года.

По результатам исследования было принято решение перенести поселок на мыс

Погодный, который не подвергается затоплению даже при высоте цунами в 25 метров. Сегодня основная масса населения проживает именно на мысе Погодном, но порт и все рыбоперерабатывающие предприятия поселка остались на цунамиопасных территориях.

После землетрясения и цунами в ноябре 1952 года другие населенные пункты Камчатки ликвидированы или перенесены на более безопасные места. Рассказ об этом в следующей главе.

Глава 7

Сейсмостанции землетрясение не зафиксировали...

Бухта Моржовая, 5 ноября 1952 года, около 9 часов утра

Вместо обуви он обвязал ноги обрывками тряпок и брезента, которые нашел на берегу. Рядом белели сгорбленные фигуры заведующего базой Дружинина и его супруги Анны. Они, как и все немногочисленные жители базы китобоев «Алеут», расположенной в южной части бухты Моржовой, остались в одном нижнем белье, но влажного холода раннего утра 5 ноября 1952 года не чувствовали, во всяком случае пока.

У ног Дружининых лежал трупик русоволосой четырехлетней девочки с расплетенными на ночь косичками. Это все, что оставила им беспощадная волна, обрушившаяся на базу двумя часами ранее. За ужином Дружининых было еще пятеро. Шестой член семьи – старшая дочь училась в школе поселка Жупаново...

Уснули после напряженного трудового дня быстро. Когда сильный подземный толчок около четырех часов пополудни сотряс постройки китобойной базы, ее обитатели проснулись. В окошках домишек вспыхнули оранжево-малиновые огоньки керосиновых ламп. Они светили недолго. Несколько минут тревожно помигав, лампы начали гаснуть одна за другой. На Камчатке подземных толчков боятся, но к ним, как к неизбежному злу, привыкают.

Когда через несколько десятков минут в дома зверобоев с шелестящим ревом ворвалась обжигающая ужасом и могильной стужей океанская вода, почти все люди спали. Дальнейшие события в подробностях никто восстановить не мог.

Человеческая память иногда оказывает нам неоценимую услугу, лишая воспоминаний о самых ужасных мгновениях жизни. Так произошло и с жителями китобойной базы. В памяти осталась только ужасная круговерть кипящей воды, боль задыхающихся легких, неисчислимы удары о какие-то твердые предметы...

Вода отступала неспешно, позволяя людям, сохранившим в борьбе со стихией силы, ухватившись за что-нибудь, остаться на берегу. Ослабевших стариков и детей океан безжалостно уносил с собой. В поселках, на которые 5 ноября 1952 года обрушилось цунами, погибло много детей – будущее полуострова, завтрашний день страны.

После того как океан отступил, люди пришли в себя не сразу. Возвращение к жизни принесло невыносимую боль. И если с физической болью люди, закаленные невзгодами военной и послевоенной жизни, справиться могли, то пересилить ужас потери близких, и особенно детей, оказалось невозможно.

На базе на зимовку оставались 13 человек. Погибли семеро: трое взрослых и четверо детей. Долго и безрезультатно метались по берегу родители в поисках детей – живых или мертвых. Нашли только тельце четырехлетней дочки Дружининых. Оно застряло меж двумя валунами, и океан не смог унести страшную добычу...

На берегу бухты Моржовой не осталось почти ничего: ни домов, ни складов, ни продуктов, ни одежды. Только люди в мокром нательном белье. Уцелели еще несколько коров и свиней. Обитатели «Алеута» по меркам того времени жили в достатке... До цунами...

К счастью, уцелел и бензиновый генератор, установленный на бетонной основе, чтоб поменьше гремел. От искры со свечи одного из его цилиндров удалось развести костер, подальше от воды, на возвышенности. К отогревавшимся у огня людям постепенно

возвращалась способность здраво мыслить. Без продуктов, без теплой одежды, без крыши над головой шансов выжить у них не оставалось. Не нашлось даже ножа, чтобы забить скот. Требовалось сообщить о трагедии тем, кто мог оказать базе помощь.

В тридцати километрах к северу от бухты Моржовой располагалась пограничная застава, к югу, на мысе Шипунском – пост гидрометеослужбы.

От базы его по прямой отделяли около 18 километров.

За помощью Федор Белошицкий решил идти на пост. На мысе Шипунском он часто охотился. И хоть ни тропинок, ни тем более дороги к метеорологам проложить не успели, Белошицкий не сомневался в том, что не собьется с пути, и у него, бывалого охотника и морского зверобоя, хватит сил добраться до поста.

Мутный полумрак рассвета постепенно уходил. Свет надвигающегося дня уже позволял различать вершины гор Дружба и Лава, за которыми находился метеопост.

Федор еще раз оглядел место, где еще недавно стояла база, молча кивнул сгрудившимся у костра соседям и внешне неторопливой, но уверенной походкой человека, которому много приходится ходить пешком, начал подниматься по долине ручья в гору. Он не оборачивался, но чувствовал, с какой безмерной надеждой смотрят ему вслед оставшиеся на берегу люди...

Петропавловск-Камчатский, 5 ноября 1952 года, около семи часов утра

Ответственный дежурный по Камчатскому областному комитету КПСС Косов и его коллега из облисполкома Андреев, слегка уставшие от бессонной ночи, молча ожидали, когда закипит водруженный на электроплитку темно-зеленый эмалированный чайник. Руководители обкома и облисполкома, по традициям сталинского времени, разъезжались далеко за полночь. Здание пустело часам к трем, а то и позже. Постепенно смолкали телефоны, и только тогда ответственные дежурные, охрана и еще несколько человек технического персонала, коротавшие ночь в здании, могли выпить по

кружке чая с прихваченными из дома бутербродами.

Той ночью привычный распорядок оказался нарушенным. Камчатское утро приближалось к четырем часам, когда южная часть полуострова и Северные Курилы вздрогнули от мощных подземных толчков.

Трясло сильно и долго – около пяти минут. На второй-третьей минуте землетрясения в Петропавловске-Камчатском погас свет.

Работники ночной смены электростанции, согласно существующим у них инструкциям, во избежание аварий остановили генераторы. Но едва толчки стихли, как энергетики возобновили подачу электричества. Пока же Косов и Андреев в полной темноте, не рискуя во время землетрясения что-либо предпринимать, прислушивались к хлопающим дверям, звенящим стеклам и шлепкам падающей штукатурки.

Время в критических ситуациях тянется мучительно медленно. Но всему, даже природным катастрофам, приходит конец. По крайней мере так казалось обоим дежурным, когда толчки прекратились. Ни они, ни кто-либо другой еще не знали, что завершился только первый акт трагедии и впереди второй – самый страшный.

Об угрозе цунами, которое может спровоцировать сильное землетрясение, на Камчатке словно забыли.

Но не все. О ней знали в 60-м пограничном отряде. А потому личный состав подразделений, расположенных в опасной близости от океана, после землетрясения срочно эвакуировался на возвышенности. Времени для спасения могло хватить всем. Волна-убийца до берегов Камчатки докатилась за 40–60 минут. Предусмотрительность пограничников сберегла их жизни.

Цунами смыло заставы на острове Уташуд, в бухте Русской, носившей тогда название Ахамтен. Здесь жертв пограничники не допустили. Погибли только четыре бойца заставы «Мыс Лопатка».

Той ночью они находились в пограничных нарядах на значительном удалении от подразделения. В назначенный срок на заставу бойцы не вернулись. Тел их не нашли. И до сего дня неизвестно, какими оказались их последние минуты...

В наступившей тишине оба ответственных дежурных – обкома и облисполкома – бросились к черным эбонитовым телефонам, стоявшим на их столах. В этот момент им казалось, что нет ничего важнее этих самых телефонов. Но аппараты молчали. Автоматической телефонной связи на Камчатке в 1952 году не существовало. Коммутацию обеспечивали телефонистки. Они, подобно всем жителям преимущественно деревянно-одноэтажного Петропавловска, в первые же минуты стихийного бедствия поспешили покинуть здания.

Аппараты ожили только минут через десять после окончания землетрясения.

Дежурные приступили к работе. Телефонистки получили от них строгое распоряжение соединять только руководство области и города, предприятий и учреждений и игнорировать до особого указания звонки обывателей, не позволяя им занимать линию.

Живший неподалеку первый секретарь обкома КПСС П. Н. Соловьев прибежал в кабинет еще до того, как ожили телефоны.

Обстановка была неясна, но не возникало сомнений, что избежать разрушений не удалось, а следовательно, требовалось создать из членов бюро обкома комиссию для оказания помощи населению, предприятиям, организациям и учреждениям области, пострадавшим от стихийного бедствия.

Петр Николаевич Соловьев, отвинтив колпачок вечного пера, начал торопливо набрасывать состав областной чрезвычайной комиссии. Застывшие стрелки на массивной колонне напольных часов, отделанных дубом, показывали без двух минут четыре...

«Как начало войны», – подумал Петр Николаевич...

В состав областной комиссии, кроме первого секретаря обкома Соловьева, вошли председатель облисполкома Алексей Федорович Спасенных, второй секретарь обкома Виктор Иванович Алексеев, начальник областного управления Министерства государственной безопасности СССР Александр Евстафьевич Черноштан и начальник Главкамчатрыбпрома Александр Тарасович Сидоренко. Все они в этот ранний час собрались в обкоме.

Едва восстановилась связь, Соловьев приказал Косову связаться с Петропавловской сейсмической станцией и узнать подробности землетрясения. Там ничего вразумительного сообщить не смогли. Чуть позже начальник областного управления связи Пешехонов по распоряжению Соловьева отправил в Ключи руководителю Камчатской вулканологической станции доктору геолого-минералогических наук Борису Ивановичу Пийпу срочную телеграмму, как сказано в документах, «для информации об имеющихся сведениях и прогнозе дальнейшего хода землетрясения».

Как ни парадоксально это звучит, но ученые в Ключах – поселке, расположенном в 400 километрах к северо-западу от Петропавловска, – вообще ничего не знали о стихийном бедствии.

Этот в высшей степени удивительный факт П. Н. Соловьев в докладной записке секретарю Хабаровского крайкома КПСС Александру Павловичу Ефимову объясняет так: «... Существующие в Камчатской области две сейсмические станции, в Петропавловске и в Ключах, не смогли даже зарегистрировать первый, самый сильный толчок...

Петропавловская станция, оснащенная соответствующими приборами, к моменту землетрясения не была подготовлена... Она вверена совершенно неопытному работнику, не имеющему специального образования...

На Ключевской станции сейсмографы к моменту землетрясения были разобраны для ремонта».

Пусть эти пассажи остаются на совести П. Н. Соловьева, поверившего или сделавшего вид, что поверил ученым.

Скорее всего, и на Петропавловской, и на Ключевской станциях царили элементарные расхлябанность и халатность, которым попытались найти объяснение, чтобы не краснеть перед потомками.

В наши дни, говоря о физических параметрах подземных толчков и цунами в ноябре 1952 года, ссылаются на научный авторитет Бориса Ивановича Пийпа.

Возможно, и так. Но тогда возникает вопрос: откуда ученый черпал сведения о природной катастрофе, если у него отсутствовали объективные инструментальные данные о ней?

По просьбе Б. И. Пийпа 7 ноября П. Н. Соловьев телеграфирует ему в Ключи через Усть-Камчатский райком: «Сообщаем некоторые данные землетрясения только по Камчатскому полуострову: в Петропавловске 6–7 баллов вызвали морскую волну, которая принесла большие разрушения в районе от Усть-Камчатска до мыса Лопатка. Высота волны достигала: мыс Шипунский – 12 метров, мыс Поворотный – 7–8 метров, Халактырский пляж в районе Петропавловска – 5 метров. На Курильских островах также большие затопления и разрушения. Более подробные сведения сообщим несколько позднее».

Отправка этой телеграммы осуществлялась в условиях максимальной секретности.

За текстом телеграммы следовала ремарка: «Телеграмма передана 7 ноября 1952 года в 10 часов 50 минут в присутствии начальника смены телеграфа т. Трифилкина, лента изъята и уничтожена, а также дано указание Усть-Камчатскому райкому ленту на почте изъять и уничтожить, а текст телеграммы временно сохранить на правах тайны. Передача велась при личном присутствии зав. О[собого] С[ектора] обкома КПСС т. Фоменко».

Документы позволяют говорить о том, что физические параметры природной катастрофы 1952 года известны нам лишь приблизительно. Они являются, скорее всего, результатом поздней умозрительной реконструкции землетрясения и его последствий. А моделирование природного явления, даже с использованием современных компьютерных технологий, всегда страдает погрешностями. Как свидетельствует практика, иногда очень серьезными.

Но за неимением других данных остается вслед за десятком других авторов говорить о нахождении эпицентра землетрясения в 200 километрах от Петропавловска, что может оказаться весьма приблизительным.

Первые данные о последствиях подземных толчков особой тревоги не внушали. Многочисленные разрушения в Петропавловске не имели критичного характера.

Наибольшую обеспокоенность руководства области вызывал хлебозавод. Как и большинство жилых домов города, он лишился печей. На время их можно было заменить армейскими полевыми пекарнями. В нескольких местах оказался разрушенным городской водопровод. Более серьезно пострадали поселок Индустриальный и расположенные в его черте судоверфь и жестяно-баночная фабрика. Кроме частичного разрушения стен цехов предприятий, значительные повреждения получили бетонные колонны и перекрытия, сдвинутым с фундамента оказалось промышленное оборудование.

Тональность сообщений о последствиях стихийного бедствия кардинально изменилась – с тревожной на паническую – после того, как по восточному побережью полуострова ударило вызванное землетрясением цунами.

В самом городе его последствия оказались минимальными. Узкие ворота Авачинской губы спасли Петропавловск от катастрофы. Залило причалы в морском и рыбном портах, перевернуло кунгасы, кое-где оборвало швартовы катеров.

На судоверфи волны сорвали три траулера, которые тогда называли тральщиками, и

две шхуны. На жестяно-баночной фабрике вода залила два каркасно-засыпных общежития. Без крова остались 70 человек. По обоим предприятиям поселка Индустриального убыток превысил полтора миллиона рублей.

А сумма ущерба, нанесенного Камчатской области землетрясением и цунами, по ценам того времени составила 20 754,3 тысячи рублей.

Наводнение принесло разрушения на восточное и западное побережья полуострова.

Гибель людей зафиксирована только на юго-востоке области...

Поразительно, но морские пограничники, базировавшиеся, как и в наши дни, в бухте Соленое озеро, вновь оказались готовы к цунами. Их большие и малые «морские охотники» после землетрясения спешно вышли на акваторию Авачинской губы.

Пограничники не только уберегли корабли и катера, но и, находясь «под парами», успели спасти своих товарищей, которые несли службу на посту наблюдения, находившегося под мысом Маячным. Волна смыла офицера и семерых матросов.

К счастью, пограничный наряд заставы заметил, что ухватившихся за бревна разрушенного поста наблюдения моряков уносит в океан. На их поиски вышли три «морских охотника».

Через два часа катера вернулись на траверз бухты Соленое озеро и передали спасенных товарищей в лазарет.

Но в этот трагический день такие истории были, скорее, исключением, чем правилом.

Первое сообщение о человеческих жертвах поступило по телефону из села Халактырка.

([Продолжение следует](#))